

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)
[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Восемьдесят седьмая ночь

Когда же настала восемьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Дау-альМакан велел царедворцу показать ему подать Дамаска, которую он вез. И царедворец показал ему сундуки с деньгами, редкостями и драгоценностями. Дау-аль-Макан взял их и роздал все войскам, ничего не оставив. И эмиры поцеловали землю меж его рук и пожелали ему долгой жизни, говоря: "Мы не видели царя, который бы давал подобные подарки". Потом они отправились в свои шатры,

а

наутро Дау-аль-Макан велел им выезжать, и они ехали три дня, а на четвертый день увидели Багдад и вступили в город, и оказалось, что он украшен. И султан Дау-альМакан вошел во дворец своего отца и сел на престол. И войска и везирь Дандан и царедворец из Дамаска встали перед ним, и тогда Дау-аль-Макан приказал своему личному писцу написать письмо его брату Шарр-Кану и упомянуть в нем о том, что случилось, с начала до конца, а в конце написать: "Тотчас, как прочитаешь это письмо, снаряжайся и явись с твоими войсками: мы отправимся в поход на неверных, чтобы отомстить за нашего отца и снять с себя позор". А затем он свернул и запечатал письмо и сказал везирию Дандану: "Никто, кроме тебя, не отправится с этим письмом, но тебе надлежит говорить с Шарр-Каном мягко и сказать ему: "Если ты желаешь царства твоего отца, – оно твое, а брат твой будет твоим наместником в Дамаске, как он сообщил нам".

И везирь Дандан вышел и собрался в путь, а потом Дау-аль-Макан велел отвести истопнику роскошное помещение и постелить лучшие циновки (а у этого истопника длинная история).

Однажды Дау-аль-Макан выехал на охоту и ловлю и воротился в Багдад. И один из эмиров предложил ему чистокровных коней и прекрасных невольниц, которых бессилен описать язык. И одна из этих невольниц понравилась султану, и он уединился с нею и вошел к ней в эту ночь, и она тотчас же понесла от него.

А через некоторое время везирь Дандан воротился из путешествия и рассказал Дау-аль-Макану про его брата Шарр-Кана, что тот идет к нему. "Тебе следует выйти и встретить его", – сказал он султану. И Дау-аль-Макан отвечал: "Слушаю и повинуюсь". И он выступил со своими приближенными из Багдада и продвинулся на один день пути и разбил свои палатки, ожидая брата, а к утру царь Шарр-Кан прибыл с войском Дамаска, где были неустрашимые витязи и свирепые львы и разящие храбрецы.

И когда подошли конные отряды и налетели облачка пыли и приблизились полки и затрепетали торжественные стяги, Шарр-Кан со своей свитой вышел навстречу Дауаль-Макану, и тот, увидев своего брата, хотел спешиться, но Шарр-Кан стал его заклинать не делать этого. И он сам спешился и прошел несколько шагов, и когда он оказался перед Дау-аль-Маканом, тот бросился к нему, и Шарр-Кан прижал его к груди. И они громко заплакали и стали утешать друг друга, а потом оба сели на коней и ехали вместе с войском, пока не приблизились к Багдаду. И они спешили, и Дау-аль-Макан со своим братом Шарр-Каном, вошли в царский дворец и провели там ночь, а наутро Дау-аль-Макан вышел и приказал собирать войска со всех сторон и объявить поход и священную войну [150].

И затем стали ждать, пока придут войска со всех земель, и всякому, кто являлся, оказывали почет и обещали хорошее, пока не прошел таким образом целый месяц, а люди все шли непрерывными толпами.

И потом Шарр-Кан сказал своему брату: "О брат мой, расскажи мне свою повесть". И Дау-аль-Макан осведомит его обо всем, что ему выпало, с начала до конца, и о том, такую милость оказал ему истопник. "Вознаградил ли ты его за его милость?" – спросил Шарр-Кан. И Дау-аль-Макан ответил: "О брат мой, я не вознаградил его до сего времени, но я его награжу с волею Аллаха великого, когда вернусь из похода..."

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят восьмая ночь

Когда же настала восемьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ШаррКан спросил своего брата Дау-аль-Макана: "Вознаградил ли ты истопника за его милость?" И ют отвечал: "О брат мой, я не вознаградил его до сего времени, но я его награжу, если захочет Аллах великий, когда вернусь из похода и освобожусь".

И Шарр-Кан узнал, что его сестра, царевна Нузхатаз-Заман была правдива во всем, что она рассказала. И он скрыл свое дело с нею и послал ей привет с царедворцем, и она тоже послала с ним привет, пожелала ему счастья и осведомилась о своей дочке, Кудья-Факап. И Шарр-Кан сообщил ей, что девочка в безопасности и в полнейшем здравии и благополучии, и Нузхат-аз-Заман восхвалила и поблагодарила Аллаха великого. А Шарр-Кан обратился к своему брату за советом, выступать ли им, но Дау-аль-Макан отвечал: "О брат мой, когда войска соберутся полностью и придут отовсюду кочевники". И затем он велел заготовить припасы и доставить военное снаряжение.

А потом Дау-аль-Макан вошел к своей жене, которая носила уже пять месяцев, и отдал ее под начало ученых и счетчиков, назначив им жалование и выдачи. А на третий месяц по прибытии сирийских войск он двинулся и путь, когда явились кочевые арабы, и все войска отовсюду, и войска, и отряды отправились, и полки потянулись непрерывно, и имя главы войска дейлемитов было Рустум, а главу турецкого войска звали Бахрам.

И Дау-аль-Макан поехал посреди войска, и справа от него был его брат, Шарр-Кан, а слева – царедворец, его зять. Они ехали в течение целого месяца и каждую неделю делали привал в каком-нибудь месте и отдыхали там три дня, так как людей было много. И они ехали таким образом, пока не достигли земель румов. И жители селений и деревень и нищие убежали и устремились в альКустантанию.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И когда Афридун, их царь, прослышал о случившемся, он поднялся и направился к Зат–ад–Давахи, а это она измыслила хитрость и, отправившись в Багдад, убила царя Омара ибн ан–Нумана и потом взяла своих девушек и царевну Сусрию и вернулась с ними всеми в свою страну. Когда же она вернулась к своему сыну, царю румов, и почувствовала себя в безопасности, она сказала ему "Прохлады твои глаза! Я отомстила за твою дочь, царевну Ибризу, убила царя Омара ибн ан–Нумана и привезла Сютю. Поднимайся теперь, поезжай к царю аль–Кустантылии и возврати ему Суфию, его дочь. Осведоми его о том, что случилось, чтобы мы все были настороже и приготовили бы военное снаряжение. Я поеду вместе с тобою к фриду, царю аль–Кустантынии. Мне думается, что мусульмане не устоят в бою с нами". – "Дай срок, пока они приблизятся к нашим землям, а мы подготовимся", – отвечал царь румов, а затем они стали собирать людей и снаряжаться. И когда пришла к ним весть о мусульманах, они были уже готовы и собрали людей, и в передовых отрядах отправилась Зат–ад–Давахи.

И когда они достигли аль–Кустантынии, ее величайший царь, царь Афридун, прослышал о прибытии Хардуба, царя румов, и вышел к нему навстречу. И, встретившись с царем румов, Афридун спросил его, как он поживает и почему он явился. Хардуб осведомил его, какие хитрости предлагала его мать Зат–ад–Давахи, которая убила царя мусульман и отняла у него царевну Суфию, и сказал: "Мусульмане собрали войска и пришли, и мы хотим быть все, как одна рука, и встретить их". И царь Афридун обрадовался прибытию своей дочери и убийству Омара ибн анНумана. Он послал во все области, требуя подкрепления, и сообщил всем, почему был убит Омар ибн ан–Нуман. И войска христиан устремились к нему, и не прошло трех месяцев, как полностью собралось войско румов, а потом подошли и франки из разных краев: французы, немцы, дубровничане, жители Зары, венецианцы, генуэзцы и прочие войска желтолицых [151].

И когда войска собрались и на земле стало тесно от их множества, величайший царь Афридун приказал им выступить из аль–Кустантынии, и они отправились, и, выступая, войска их следовали через город десять дней. И они шли, пока не остановились в просторной долине ан–Нумана (а эта долина была вблизи от соленого моря), и стояли три дня, а на четвертый день они хотели трогаться. Но к ним пришли вести о приближении войск ислама, защитников народа лучшего из людей [152]. И они пробыли в долине еще три дня, а на четвертый день увидели взлетевшую пыль, которая застилала края неба. И не прошло часа дневного времени, как эта пыль рассеялась и разорвалась в воздухе на клочки и улетела, и мрак ее разогнали звезды зубцов копий и молнии белых клинков, и из–за нее показались исламские знамена и мухаммеданские стяги, и приблизились витязи, подобные разлившемуся морю и одетые в кольчуги, которые ты сочтешь за облака, покрывающие луну.

И тогда войска встали друг против друга, и оба моря столкнулись, и глаза встретились с глазами, и первый, кто выступил на бой, был везирь Дандан с войсками Сирии (а их было тридцать тысяч всадников). И с везирем были предводитель дейлемитов Рустум и глава турок Бахрам с двадцатью тысячами. И сзади них шли люди, пришедшие с соленого моря, одетые в тяжелые кольчуги и подобные открытой луне в темную ночь. И христиане принялись кричать: "О Иса, о Мариам, о крест" (будь он проклят!), и обрушились на везиря Дандана и на бывшие с ним сирийские войска.

А все это случилось по измышлению Зат–ад–Давахи, ибо царь обратился к ней перед тем, как выступить, и спросил: "Как поступить и что придумать? Ведь ты виновница этого тяжелого дела". И она сказала ему: "Знай, о великий царь и грозный волхв, я укажу тебе дело, которое не в силах измыслить Иблис [153], даже если он призовет на помощь свои поверженные рати..."

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьдесят девятая ночь

Когда же настала восемьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что все это было по измышлению старухи, ибо царь обратился к ней перед тем, как выступить, и спросил ее: "Как поступить и что придумать? Ведь ты виновница этого тяжелого дела". И она сказала ему: "Знай, о великий царь и грозный волхв, я укажу тебе дело, которое бессилен придумать Иблис, даже если он призовет на помощь свои поверженные рати. Пошли пятьдесят тысяч человек, и пусть они сядут на корабли и едут по морю, до самой Дымовой горы, и остаются там, не трогаясь с места, пока не придут к вам знамена ислама, и тогда расправляйтесь с ними. А потом выйдут на них войска с моря и будут сзади них, а мы встретим их с суши, и никто из них не спасется, и прекратится наша забота и будет нам вечный мир".

И царь Афридун одобрил план старухи и воскликнул: "Твой план – прекрасный план, о госпожа хитроумных стариц и прибежище волхвов, когда подымаются смуты!"

И когда войско ислама налетело на них в этой долине, они не успели опомниться, как уже огонь пылал в шатрах и мечи работали среди тел; а потом подошли войска Багдада и Хорасана, – сто двадцать тысяч всадников, – и в передовых отрядах был Дау–аль–Макан.

И, увидя их, войска неверных, бывшие в море, вышли к ним из воды и последовали за ними. И Дау–аль–Макан, увидав их, воскликнул: "Обратитесь на неверных, о племя избранного пророка, и сразитесь с людьми нечестия и вражды, повинувшись милостивому, милосердному!"

А тут подошел Шарр–Кан с другими отрядами мусульманских войск, числом около ста двадцати тысяч, а войск неверных было около тысячи тысяч и шестисот тысяч. И когда мусульмане соединились друг с другом, их сердца укрепились, и они закричали: "Поистине, Аллах обещал нам поддержку и пригрозил неверным покинуть их!" А затем столкнулись мечи и зубцы, и Шарр–Кан прорвал ряды и ворвался в гущу тысяч, и бился боем, от которого поседеют дети. И он гарцевал среди неверных и работал острорежущим мечом, возглашая: "Аллах велик!", пока не прогнал врагов обратно к берегу моря.

И тела их утомились, и Аллах дал победу вере ислама, и люди сражались, без вина пьяные. В этой стычке было убито сорок пять тысяч неверных, а мусульман погибло три тысячи пятьсот. И лев веры, царь Шарр–Кан, не спал в эту ночь, ни он, ни его брат, Дау–аль–Макан, – напротив, они подбодряли людей и обходили раненых, поздравляя их с победой и наградой по воскресений. Вот что было с мусульманами.

Что же касается царя Афридуна, царя аль–Кустантынии, и царя румов с его матерью, старухой Зат–ад–Давахи, то они собрали эмиров войска и говорили между собой: "Мы бы достигли цели и излечили бы нашу душу, по обольщению нашей многочисленностью – вот что нас предало".

И Зат–ад–Давахи сказала им: "Вам будет польза лишь в том, чтобы искать благоволения мессии и придерживаться правой веры. Клянусь мессией, войску мусульман придал силу лишь этот сатана, царь Шарр–Кан!" – "Я намерен, – сказал царь Афридун, – выстроить завтра против них войска и выпустить на них знаменитого витязя, Луку ибн Шамлута, ибо он, если выступит против царя Шарр–Кана, убьет его и убьет других витязей, так что из них не останется ни одною. А сегодня вечером я хочу окурить вас святейшим ладаном".

И, услышав его слова, начальники облобызали землю. А ладан, который он разумел, был кал великого патриарха отрицающего, отвергающего. И они соперничали за обладание им и одобрили его мерзкие свойства, и патриархи румов посылали его во все области своих земель в шелковых лоскутках, и смешивали его с мускусом и благовониями, и когда слух об этом доходил до царей, они брали кал по тысяче динаров за каждую драхму, и цари даже посылали его разыскивать, чтобы окуривать им невест. И патриархи смешивали его со своим калом, так как кала великого патриарха не хватало на десять областей. А величайшие цари клали немного этого кала в .ссыму для глаз и лечили им больных и страдающих животом. И когда настало утро и засияло и заблестало светом, витязи поспешили в бой копьями..."

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девяноста

Когда же настала ночь, дополняющая до девяноста, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда настало утро и засияло светом и заблестало, витязи поспешили в бой копьями, а царь Афридун призвал своих приближенных патрициев и вельмож своего царства и награждал их и начертил крест на их лицах и окуривал их тем ладаном, о котором помянуто раньше, то есть калом великого патриарха и коварного волхва. А окурив их, он призвал к себе Луку ибн Шамлута, которого называют меч мессии. И, окурив его калом и потом натерев

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

им его небо, он дал ему кал понюхать и выпачкал им его щеки, а остатком кала оп намазал ему усы. А в земле румов не было значительнее человека, чем этот проклятый Лука, и не было лучшего стрелка и бойца мечом и копьем в день схватки, и он отличался гнусной наружностью, и лицо его было как морда осла, а образ, как образ обезьяны. Его внешность – внешность соглядаята, и близость к нему тяжелее, чем разлука с любимым; от ночи ему досталась мрачность, от льва – зловонное дыхание, и от тигра – наглость, а неверие оставило на нем клеймо. И он подошел к царю Афридуну, поцеловал ему ноги и встал перед ним, и царь Афридун сказал ему: "Я хочу, чтобы ты выступил против Шарр–Кана, царя Дамаска, сына Омара ибн ан–Нумана, и отвел от нас к облегчил эту беду". И Лука отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И царь начертил на его лице крест и объявил, что победа достанется ему вскорости.

И Лука ушел от царя Афридуна, и потом этот проклятый Лука сел на рыжего коня, и на нем была красная одежда и золотая кольчуга, выложенная драгоценными камнями, и нес он копье с тремя зубцами, словно он проклятый Иблис в день уничтожения племен [154]. И он и его нечестивое племя тронулось в путь, как бы гонимое в огонь, и среди них был глашатай, который возглашал поарабски: "О народ Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует! – пусть выходит из вас лишь один ваш витязь, меч ислама Шарр–Кан, правитель Дамаска Сирийского!" И он не закончил еще своих слов, как вдруг на равнине раздался гул, звуки которого слышали все люди, и конский топот рассеял войска, напоминая о дно Хонейна [155]" И злодеи испугались и повернули шеи в сторону шума, и вдруг оказалось, что это царь Шарр–Кан, сын царя Омара ибн ан–Нумана. Когда его брат Дау–аль–Макан увидел этого проклятого на поле и услышал глашатая, оп обернулся к своему брату Шарр–Кану и сказал ему: "Они хотят тебя". И Шарр–Кан отвечал: "Если так, это мне тем любезней". И, убедившись в этом и услышав глашатая, который кричал на поле: "Пусть не выходит ко мне никто, кроме Шарр–Кана!", мусульмане поняли, что этот проклятый – витязь румских земель и что он поклялся очистить Землю от мусульман, а иначе он будет в числе понесших потерю, ибо это он жег сердца, и его злобы боялись войска турок, дейлемитов и курдов.

И тут Шарр–Кан вышел к нему, подобный ярому льву, а сидел он на хребте чистокровного коня, похожего на испуганного газеленка. И он погнал его к Луке и, оказавшись подле него, потряс в руке копье, подобное змееехидне, и произнес такие стихи:

"У меня есть рыжий, узде послушный, воинственный,

И отдаст тебе, сколько хочешь ты, он из сил своих.

И копье прямое, остер и гибок зубец его,

И как будто мать всех превратностей на древке его,

И клинок индийский, отточенный, – обнажив его,

Словно молнию, что мелькает в небе, увидишь ты".

И Лука не понял значения этих речей и силы нанизанных слов; нет, он ударил себя рукою по лицу из уважения к кресту, нарисованному на нем, а затем поцеловал ее и, направив дротик на Шарр–Кана, бросился на него. Он подкинул дротик одной рукой так, что он скрылся из глаз смотрящих, и поймал его другой рукой, как делают чародеи, а потом бросил им в Шарр–Кана. И дротик вылетел из его руки, как сверкающая огненная стрела. И люди зашумели и испугались за Шарр–Кана. Но когда дротик подлетел близко к Шарр–Кану, он схватил его в воздухе, и умы людей смутились.

А затем Шарр–Кан потряс дротик той рукой, которой он взял его у христианина, так что едва не сломал его, и подбросил его в воздух, и дротик скрылся из глаз, но он поймал его другой рукой быстрее мгновения ока, и издал вопль, исходящий из глубины сердца, и воскликнул: "Клянусь тем, кто создал семь небосводов, я ославлю этого проклятого во всех странах!"

И он бросил в него дротик, и Лука хотел сделать с дротиком то же, что и Шарр–Кан, и протянул руку, чтобы поймать дротик в воздухе, но Шарр–Кан поспешил метнуть в него второй дротик и ударил его, и дротик попал в середину креста, бывшего у него на лице, и Аллах устремил его душу в огонь, скверное это обиталище! [156]

И когда неверные увидали, что Лука ибн Шамлут упал убитый, они стали бить себя по лицу и кричать: "О горе! О гибели!" И зывали о помощи к патриархам монастырей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто первая ночь

Когда же настала девяносто первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда неверные увидели, что Лука ибн Шамлут упал убитый, они стали бить себя по лицу и кричать: "О горе! О гибели!" И зывали о помощи к патриархам монастырей, восклицая: "Где кресты?" И монахи стали молиться, а потом они все объединились против Шарр–Кана и, выставив острые мечи и копья, ринулись в бой и сражение.

И войско встретилось с войском, и груди оказались под ударами копыт, и заработали острые мечи и копья, и плечи и кисти ослабели, и кони как будто были созданы без ног, и глашатай войны непрестанно зывал, пока не устали руки и день не ушел и не приблизилась ночь с ее мраком. И оба войска расстались, и все витязи были от сильного боя и ударов копьем, как пьяные. И земли наполнились убитыми, и тяжелы были раны, и раненых не отличить было от мертвых.

А потом Шарр–Кан встретился со своим братом Дауаль–Маканом и царедворцем и везирем Данданом, и сказал своему брату Дау–аль–Макану и царедворцу: "Поистине, Аллах открыл врата гибели для неверных. Слава же Аллаху, господу миров!" – "Мы не перестанем воздавать хвалу Аллаху за то, что он снял печаль с арабов и персов, – ответил Дау–аль–Макан брату, – и люди, поколение за поколением, будут рассказывать о том, что ты сделал с проклятым Лукой, исказителем Евангелия, и о том, как ты поймал копье в воздухе и поразил врага Аллаха среди людей. И слава твоя будет вечна до конца времен". – "О великий царедворец и грозный храбрец", – сказал потом Шарр–Кан. И царедворец ответил ему: "Я здесь!" И Шарр–Кан молвил: "Возьми с собою везиря Дандана и двадцать тысяч всадников и пройди с ними к морю расстояние в семь фарсахов. Двигайтесь скорее, чтобы быть близко от берега и чтобы между вами и врагом было два фарсаха. Укрывайтесь в ложбинах, пока не услышите, как шумят неверные, выходя с кораблей, и до вас не донесутся крики со всех сторон, когда между нами и ими заработают копья. И когда вы увидите, что наши войска повернули вспять, как бы убегая, и неверные ползет за ними со всех сторон, даже со стороны моря и шатров, будьте в засаде; но едва ты увидишь знамя с надписью: "Нет бога, кроме Аллаха. Мухаммед – посол Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!" – подними зеленое знамя, крикни: "Аллах велик!" – и несись на них сзади и постарайся, чтобы неверные не встали между убегающими и морем". – "Слушаю и повинуюсь", – ответил придворный. И они сговорились об этом деле в тот же час, а потом войска снарядились и отправились, и царедворец взял с собою везиря Дандана и двадцать тысяч человек, как велел Шарр–Кан.

А когда настало утро, враги сели на коней, обнажив мечи, подвязав копья и неся оружие, и люди рассыпались по холмам и котловинам, и священники закричали, и головы обнажились, и взвились кресты на парусах кораблей, и воины направились к берегу со всех сторон. Они вывели коней на сушу и собрались нападать и убегать, и мечи заблистали, и толпы двинулись, и засверкали молнии копий на кольчугах, и завертелся жернов гибели над головами пеших всадников, и головы летели с туловищ, и языки немели, и глаза покрывались мраком, и лопались желчные пузыри. И мечи работали, и черепа отлетали, и отсекались запястья, и кони погружались в кровь, и воины хватали Друг Друга за бороду, и войска ислама призывали благословение и привет Аллаха на господина людей и возглашали хвалу милосердому за дарованные им милости. А войска неверных возглашали хвалу кресту и поясу, и выжимкам и выжимателю, и священникам и монахам, и вербному воскресенью и митрополиту.

И Дау–аль–макан с Шарр–Каном отступили назад, и воины повернули вспять и показали врагам, что бегут, и войска неверных поползли на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

них, думая, что они разбиты, и приготовились биться и сражаться. И люди ислама возвысили голос, читая начало главы о Короне, и убитые были растоптаны под ногами коней. И глашатай румов кричал: "О рабы мессии, исповедующие правую веру, о слуги первосвященника, поддержка свыше явилась нам! Войска ислама склонились к бегству. Не поворачивайтесь же к ним спиной, но пусть овладеют мечи их затылками! Не прекращайте преследования, иначе вы отступитесь от мессии, сына Мариам, который заговорил в колыбели!"

И Афридун, царь аль-Кустантынии, подумал, что войска неверных побеждают, и он не знал, что это искусный Замысел мусульман. Он послал к царю румов весть о победе и говорил ему: "Нам помог только кал великого патриарха, когда запах его повеял и с бород и с усов и разлился среди всех рабов креста, присутствующих и отсутствующих. Клянусь чудесами, твоей дочерью Абризой, назареянкой, служанкой Мариам, и водами крещения, я не оставлю на земле ни одного бойца за веру, и я твердо принял это злое намерение".

И гонец отправился с этим посланием, а неверные закричали друг другу: "Отомстите за Луку!.."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто вторая ночь

Когда же настала девяносто вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что неверные закричали друг другу: "Отомстите за Луку!" А царь румов стал кричать: "Отомстим за Абризу!" И тогда царь Дау-аль-Макан крикнул: "О рабы владыки воздающего, бейте неверных и отступников белыми клинками и серыми копьями!" И тогда мусульмане вновь повернули на неверных и заработали среди них режущим и секущим. И глашатай мусульман взывал: "На врагов веры, о любящий пророка, избранника! Вот время сделать угодное всеблаговому, всепрощающему! О надеющийся на спасение в день устрашающий, поистине рай под сенью мечей!"

И вот Шарр-Кан со своими воинами ринулся на неверных и отрезал им путь к бегству и гарцевал и кружил между рядами. И вдруг всадник, прекрасно изогнувшийся, расчистил в войске неверных круг и стал гарцевать среди нечестивых, разя мечом и копьем, и наполнил землю головами и телами. И неверные устремились его боя и склонили шеи под его разящими ударами, – а он опоясался двумя мечами, взором и острым клинком, и подвязал два копыя, – копыя на древке и свой стан, – и обильные кудри его заменяли войско, обильное числом, как сказал о нем поэт:

Прекрасны кудри длинные лишь тогда,

Когда их пряди падают в битвы день

На плечи юных с копьями у бедра,

Что длинноусых кровью напоены.

А другой говорит:

Сказал я ему, когда он меч подвязал себе:

"Довольно ведь лезвий глаз, и острый не нужен меч".

Он молвил: "Клиники очей влюбленным назначены,

А меч предназначен тем, кто счастья в любви по знал".

И, видя его, Шарр-Кан воскликнул: "Заклинаю тебя Кораном и знаменьями всемиростивого, кто ты, о витязь из витязей? Своими деяниями ты ублаговотворил воздающего владыку, которого одно дело не отвлекает от другого, когда обратил в бегство людней неверия и беззакония". И витязь воззвал к нему, говоря: "Ты вчера заключил со мною союз, как ты скоро забыл меня!" И он откинул с лица покрывало, так что стала явна его скрытая красота, и вдруг оказалось, что это Дау-аль-Макан.

И Шарр-Кан обрадовался ему, но только он побоялся, что бойцы стеснятся вокруг нею и храбрецы обрушатся на него, и будет это из-за двух причин: во-первых, так как он молод годами и был укрыт от дурного глаза, и, во-вторых, потому, что его жизнь – величайшая опора царства. "О царь, сказал он ему, – ты подверг себя опасности. Подведи твоего коня вплотную к моему коню. Я считаю, что враги тебе опасны, и лучше, чтобы ты не выходил из-под знамен, и мы могли бы метать во врагов твои верные стрелы". – "Я хочу быть равен тебе в бою и не жалею себя, сражаясь перед тобой!" – воскликнул Дау-аль-Макан. И затем войска ислама обрушились на неверных и охватили их со всех сторон и бились с ними, как должно биться, и сломили они мощь неверия, непокорства и нечестия. И царь Афридун опечалился, увидя, какое постигло румов дурное дело. А они повернули спины и предались бегству, направляясь к кораблям. И вдруг с берега моря вышли на них войска, и во главе их был везир Дандан, повергающий храбрецов, который разил их мечом и копьем вместе с эмиром Бахрамом – начальником сирийских племен, предводителем двадцати тысяч львов.

И войска ислама окружили неверных и сзади и спереди. И отряд мусульман обратился против тех, что были на кораблях, и ввергли их в гибель, так что они пробросались в море, и перебили их великое множество, больше ста тысяч патрициев, и не спасся из их храбрецов ни малый, ни великий. И захватили их корабли с бывшими на них деньгами, сокровищами и грузом – все, кроме двадцати кораблей, – и в этот день мусульмане забрали добычу, какой не захватывал никто в минувшие времена, и ничье ухо не слышало о подобном сражении и бое. И среди захваченного было пятьдесят тысяч коней, кроме сокровищ и прочей добычи, которую не объять ни счетом, ни счислением, и как нельзя сильнее обрадовались они победе и поддержке, которую послал им Аллах.

Вот что было с ними. Что же касается беглецов, то они добрались до аль-Кустанынии, а к обитателям ее пришла раньше весть, что это царь Афридун побеждает мусульман. И старуха Зат-ад-Давахи сказала: "Я знаю, что мой сын, царь румов, не будет среди беглецов, и не страшится он войск ислама и обращает жителей земли в христианскую веру". И старуха приказала великому царю Афридуну украсить город, и жители проявили радость и пили вино и не знали они, что было суждено.

И посреди их радостей вдруг закаркал над ними ворон горя и печалей, и приблизились двадцать бежасних кораблей, и на одном из них был царь румов. И Афридун, царь аль-Кустантынии, встретил их на берегу, и ему рассказали, что их постигло, и велик был их плач, и раздавались их стенания, и радость сменилась печалью и горем.

И рассказали Афридуну, что Луку ибн Шамлута поразила превратность судьбы и ударила его стрела гибели, бьющая без промаха. И вырос тогда перед царем Аридуном судный день, и узнал он, что заблуждения их не исправил". И поднялись среди румов причитания, и решимость их ослабела, и заплакали плакальщики, и со всех сторон поднялись стенания и плач. И царь румов вошел к царю Афридуну и рассказал ему об истинных обстоятельствах и о том, что бегство мусульман было обманчивое и притворное, и сказал: "Не жди, что придут еще войска, кроме тех, которые уже прибыли". Услышав эти слова, царь Афридун упал без чувств, и нос его оказался у него под ногами, а потом он сказал: "Быть может, мессия разгневался на них и привел к ним мусульман".

И великий патриарх, пришел к царю, озабоченный, и тот сказал ему: "Отец наш, на наше войско напала гибель, и мессия воздал нам". – "Не огорчайтесь и не печальтесь, – ответил ему патриарх, – наверное, кто-нибудь из вас совершил проступок перед мессией и все были наказаны за его прегрешение. По теперь мы станем читать за вас в церквах молитвы, пока эти мухаммеданские войска не будут отброшены".

А затем после этого пришла старуха Зат-ад-Давахи и сказала: "О царь, поистине войско мусульман многочисленно, и мы получим победу над ними только хитростью. Я намерена устроить коварство и обман и отправлюсь к войскам ислама. Быть может, я достигну того, чего хочу

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

от предводителя, и убью их витязя, как убила его отца. А если моя хитрость с ним удастся, никто из его войска не вернется в свою сторону, – все они сильны лишь из-за него. Но я хочу, чтобы христиане, жители Сирии, которые выходят продавать свои товары всякий месяц и всякий год, помогли мне – через них исполнится мое желание". – "В какое время ты хочешь, чтобы было это дело?" – спросил царь. И старуха велела ему привести к ней сто человек из Неджрана [157] сирийского. И когда их привели к царю, тот сказал им: "Не знаете ли вы, что испытали христиане от мусульман?" – "Да, знаем", – отвечали они. И царь сказал: "Знайте, что эта женщина подарила себя мессии, и теперь она вознамерилась отправиться с вами в обличий единобожников, чтобы устроить хитрость, польза от которой обратится на нас и помешает мусульманам до нас добраться. Подарите ли вы себя мессии, а я вам дам кантар [158] золота? Кто из вас останется цел, тому будут деньги, а кто умрет, тому воздаст мессия". – "О царь, мы подарили себя мессии, и мы – выкуп за тебя", – отвечали они. И тогда старуха взяла все нужные ей зелья и положила их в воду и кипятила их на огне, пока не осело черное вещество, и, подождав, пока зелья остынут, она прикрыла их краем длинного платка. А затем она надела поверх одежды плащ, обшитый шнурком, и взяла в руки четки, вошла к царю, и не узнал ее ни он, ни кто-либо из сидевших с ним. И она открыла лицо, и все, находившиеся в зале, восхвалили ее за хитрость. И сын ее обрадовался и воскликнул: "Да не лишит нас мессия твоего лица!" И старуха выехала с христианами, что были из Кеджрана сирийского, и они двинулись, направляясь к войску Багдада..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.